

Ольга Георгиевна Щеглова

Россия, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

О лингвотекстологическом исследовании славянских списков Стишного Пролога XV–XVII веков

Ключевые слова: лингвотекстологический метод, типология рукописей, текстологические различия, языковые разночтения, церковнославянский язык, Стишной Пролог, памятники письменности

Key words: lingvotekstologicheskyy method, typology of manuscripts, textual differences, language different interpretations, Church Slavonic, Stishnoy Prolog, monuments of writing

Abstract

The article describes the application of the lingvotekstologicheskyy method in the study of lists of Stishnoy Prolog. The article presents the results of three stages of research: typological, textual and linguistic, reveals the importance of such research for the history of the Russian language and critical edition of the monument of writing.

Лингвотекстологический метод исследования древнерусских памятников письменности впервые предложила Л. П. Жуковская, исследовавшая с его помощью более 500 списков Евангелия [Жуковская 1976]. Ученики и последователи Л. П. Жуковской применили и развили этот метод, изучая другие памятники древнерусской и церковнославянской письменности, сохранившиеся во многих списках. В частности, на кафедре древних языков Новосибирского национального исследовательского государственного университета вслед за основателем новосибирской лингвотекстологической школы профессором Л. Г. Паниным, исследовавшим списки Минейного Торжественника XIV–XVI вв. [Панин 1988], этот метод был применен его учениками при изучении списков Паремий Борису и Глебу [Мусорин 2006], Слов Григория Богослова [Долгушина 2004], акафистов и гомилий Богородице [Борисова 1997], списков Минейного Торжественника XV в. [Белоус 2009], в исследованиях списков Стишного Пролога XV–XVII вв. автора данной статьи.

Стишной Пролог – это переводной с греческого памятник письменности, представляющий собой четый сборник календарного типа. На каждый день года в нем помещались памяти святым и важным церковным событиям, а также слова отцов Церкви, отрывки из житий святых, нравоучительные повести. Отличительной особенностью Стишного Пролога является наличие почти перед каждой памятью дня стихословия, освещающего тему чтения и чаще всего указывающего на род смерти того или иного святого: *Диаконъ имать тебе гробъ тако и съ телесемъ душа бо твоя Пармена съ ангелы* (Память апостола Пармены – 2 марта).

Рукописных Прологов различного вида сохранилось около трех тысяч. Среди них достоверно известных как Стишные Прологи списков сентябрьской половины – более 60, примерно столько же сохранилось и списков мартовской половины. В рукописных фондах России и Болгарии нами было выявлено 39 списков Стишного Пролога мартовской половины года. Мы сосредоточили свой исследовательский интерес именно на весенне-летних списках Стишного Пролога в силу их практически полной неизученности как в текстологическом, так и в лингвистическом отношении. Фундаментальная монография Г. Петкова [Петков 2000], посвященная археографическим, текстологическим и литературно-историческим проблемам Стишного Пролога, учитывает в большей степени осенние списки памятника.

Целью лингвотекстологического изучения известных нам славянских списков Стишного Пролога (далее СП) XV–XVII вв. было восстановление истории бытования этого памятника письменности на Руси, что послужит более точной и обоснованной интерпретации всех встретившихся в списках памятника языковых разночтений. В конечном итоге анализ языковых различий, выяснение основных тенденций в развитии языка памятника должны способствовать созданию истории церковнославянского языка, который, как известно, в течение почти семи столетий использовался в качестве литературной формы русского языка.

Лингвотекстологическое исследование славянских списков СП состояло из трех этапов: 1) типологического, 2) текстологического и 3) лингвистического. Типологический этап исследования предваряется археографическим изучением источников, результаты которого представляют собой характеристику каждого списка (см. Приложение).

В процессе археографического описания списков мы выявили, что структура списков, содержащих чтения мартовской половины года, неоднородна. Если большая часть южнославянских списков (девять из четырнадцати) – это полугодовые списки (а всего таких списков СП нам известно пятнадцать), то в русских списках содержатся чтения либо на три месяца (пятнадцать списков), либо на четыре, есть списки другого помесячного состава. Создание списков полугодового, квартального и другого месячного состава было вызвано, по нашему мнению, стремлением писцов уменьшить объем рукописных книг.

Полугодовые списки могут насчитывать до 700 листов. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что некоторые из исследуемых нами списков могут являться частью годовых комплектов СП, создававшихся в разных книжных центрах Руси. Достаточно определенно мы можем говорить в этом отношении о рукописях Трц-715, Трц-716 и Трц-720 из собрания Троице-Сергиевой Лавры РГБ, а также о рукописях из собрания Синода РГИА, ф. 838, оп. 3, № 3933–3936 (в нашем исследовании представлена только рукопись № 3935). Кроме того, списки СП были дополнены на славянской почве памятями славянским и русским святым, а на русской почве еще и назидательными чтениями, вследствие чего объем самого памятника по сравнению с греческим стишным синаксарем значительно увеличился в процессе своего бытования.

Первым этапом лингвотекстологического исследования памятника письменности, сохранившегося в достаточно большом количестве списков или даже в нескольких списках, является типологическое описание каждой рукописи, сопоставление их друг с другом для выявления общего и особенного в структуре и составе чтений.

Анализируя состав чтений месяца и состав чтений на каждый день, мы пришли к выводу, что списки могут различаться количеством памятей и нравоучительных слов, их последовательностью на один день, наличием или отсутствием отдельных памятей и нравоучительных слов, нахождением одних и тех же чтений под разными числами в разных рукописях, а также предпочтениями в выборе источников нравоучительных слов и сказаний. В результате анализа состава чтений на каждый месяц мартовского полугодия на основе названных выше критериев было выявлено 5 групп списков: Южнославянская (14 списков), Синодская (6), Троице-Сергиевская (6), Хутынская (11), Устюжская (2) (см. Приложение).

Анализируя состав чтений каждого дня, мы выделили следующие типы чтений: памяти (т. е. только заголовки), памяти со стихами, жития, жития со стихами (заметим, что житийные отрывки могут быть как очень краткими – занимать несколько строк, так и очень пространными – до нескольких листов) и нравоучительные чтения, которые представляют собой назидательные повести, поучения, слова отцов Церкви, отрывки из житий. Списки исследуемых нами редакций СП имеют также характерные отличия в типах ежедневных чтений.

В ходе типологического анализа исследуемых списков мы отметили, что в составе памятей каждого месяца можно выделить общую часть, которая представлена во всех списках. Эту общую памятийную часть, по нашему мнению, можно возвести к славянскому переводу греческого стишного синаксаря, то есть к архетипу. Общая памятийная часть в исследуемых списках СП составляет от 60 до 80% от общего числа памятей в списках разных групп и колеблется в зависимости от месяца. Наличие общей памятийной части свидетельствует о сохранении традиции при копировании списков СП.

Таким образом, в целом мы можем считать СП памятником с контролируемой письменной традицией, в то же время допускающим инновации. К инновациям мы относим наличие индивидуальных памятей в отдельной редакции и совпадающих памятей разных редакций СП. Эти два фактора являются подтверждением редактирования СП на славянской и русской почве от момента появления первых списков практически до момента прекращения рукописной традиции и начала печатного существования СП.

Инновации в составе памятей являются важным критерием для типологической классификации списков. Индивидуальные памяти говорят об особенностях той или иной группы списков, совпадающие памяти являются свидетельством взаимодействия списков разных групп между собой, взаимодействия протографов разных групп или даже взаимодействием архетипов разных редакций. Инновации внутри групп списков или, другими словами, на уровне редакций свидетельствуют о степени близости списков и помогают установить взаимоотношения списков внутри редакции.

Мы также отметили, что инновации касаются не только состава чтений, но и типов чтений. Различия между списками одной группы и списками разных редакций могут заключаться в нахождении одних и тех же памятей под разными числами. Могут различаться типы чтений: в одних случаях присутствует только заголовок – в других есть еще и житие, в одних случаях заголовок со стихом – в других без стиха, в одних случаях житие со стихом – в других без стиха. К тому же жития могут различаться началами текстологически и лексически. Отсутствие стихословий при памятях или житиях, по нашему мнению, может быть связано с влиянием Пролога простого на состав Стишного Пролога. О том, что эти два памятника текстологически взаимодействовали, свидетельствуют списки смешанного состава среди исследуемых нами списков. Нам встретились списки либо содержащие в одни месяцы чтения СП, в другие – простого Пролога, в основном пространной редакции (например, F.VI.9, A-16.12.11), либо списки, содержащие в одном и том же месяце чтения и СП, и простого Пролога (УЦ-147).

Наиболее важным критерием для выделения группы списков в редакцию является, по нашему мнению, репертуар назидательных чтений. Типологический анализ нравоучительной части показал, что редакции различаются именно поучительными чтениями (не столько количественно, сколько содержательно). Процент совпадающих чтений между группами колеблется от 2 до 20% (последняя цифра характеризует степень взаимодействия Хутынской и Устюжской групп). Практически для каждой группы списков набор назидательных чтений индивидуален. Выбор поучений, на наш взгляд, определялся как субъективными, так и объективными факторами: эрудированностью переписчиков, их книжными предпочтениями, составом монастырской библиотеки, сверкой с составом простого Пролога. Эти факторы действовали уже на самом раннем этапе бытования СП, то есть еще на уровне архетипов редакций, так как

различия в составе назидательных чтений внутри той или иной группы списков минимальны. Инновации в составе назидательных чтений свидетельствуют о дальнейшем редактировании СП и при привлечении большего количества списков для сопоставления могут характеризовать новую редакцию СП.

Еще одним немаловажным типологическим критерием для выделения редакции является наличие русских и славянских памятей и русских и славянских поучений и назидательных чтений в составе СП. Следует оговориться, что на первом этапе исследования мы учитывали только те русские статьи, принадлежность которых можно было определить из самих заголовков или начальных слов чтения. С большой долей вероятности можно предположить, что при более детальном обращении к текстам СП среди нравоучительных чтений, в частности «Слов от патериков», которыми был дополнен южнославянский СП на Руси, мы также можем встретить русские по происхождению чтения. Тем не менее, даже простая констатация наличия тех или иных русских чтений в рукописи уточняет типологическую характеристику списков и способствует распределению списков по выделенным группам.

В каждой группе списков свой набор памятей и поучений славянского и русского происхождения. То, что во всех русских списках есть памяти самым первым русским святым Борису и Глебу, Феодосию Печерскому, князю Владимиру, княгине Ольге, свидетельствует, по нашему мнению, о внесении этих памятей в самом начале бытования списков СП на Руси, т. е. о наличии их в архетипах выделенных нами редакций. Инновациями в русских и славянских чтениях можно считать включение памятей новопрославленным русским святым и создание им стихословий (что пока встретилось нам только в списке Тит-239). Даже поверхностный текстологический анализ русских и славянских чтений в списках СП показал, что история этих проложных чтений еще далеко не изучена.

Более детальный текстологический анализ избранных чтений позволил выявить взаимоотношения списков, установить степень их близости, построить стеммы генетических отношений исследуемых списков внутри каждой выделенной группы. Выявленные типологические различия и текстологические и языковые разночтения списков внутри групп свидетельствуют о динамических процессах в тексте и языке СП на протяжении всей истории бытования памятника на Руси.

Проведенное нами лингвотекстологическое исследование славянских списков Стишного Пролога дополняет имеющиеся в науке сведения об основных этапах его истории, а также имеет большое значение для истории русского литературного языка и, в частности, для истории его словарного состава, для истории церковнославянского языка, в конечном счете может способствовать критическому изданию памятника и стать основой для дальнейших собственно лингвистических исследований, а также для глубокого и всестороннего лингвотекстологического исследования славянского Стишного Пролога.

Литература

- Белоус А. А., 2009, *Динамические процессы в родственных списках минейного Торжественника XV века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Новосибирск: Новосибирский государственный университет.
- Борисова Т. С., 1997, *Система символов оригинальных и переводных церковнославянских богородичных гомилий и акафистов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Новосибирск.
- Долгушина Л. В., 2004, *Славянский перевод «XIII Слов Григория Богослова» (Особенности переводческой техники и словарного состава): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Новосибирск: Новосибирский государственный университет.
- Жуковская Л. П., 1976, *Текстология и язык древнейших славянских памятников*, Москва: Наука.
- Мусорин А. Ю., 2006, *Лексические разночтения в списках паремий Борису и Глебу: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Новосибирск: Новосибирский государственный университет.
- Панин Л. Г., 1988, *Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв.*, Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.
- Петков Г., 2000, *Стишията Пролог в старат българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век). Археография, текстология и издание на проложните стихове*, Пловдив: Пловдивско университетско издателство.

Приложение

Список исследуемых рукописей Стишного Пролога¹

Списки Южнославянской группы СП²

1. БАН-76 – СП, январь–апрель, XVI в., сербский, 1⁰: Библиотека Болгарской академии наук.
2. НБКМ-1044 – СП, март–август, 1636 г., болгарский, 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
3. НБКМ-166 – СП, март–14 июля, XVII в., сербский, 256 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
4. НБКМ-552 – СП, март–август, XVII в., сербский/болгарский, 281 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).

¹ Характеристика источников включает в себя дату, извод, место хранения рукописи и сведения о ее шифре в хранилище.

² Списки приведены по выявленным редакциям.

5. НБКМ-143 – СП, март–август, XVI в., сербский, 131 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
6. НБКМ-1041 – СП, март–август, 1554 г., болгарско-сербский, 343 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
7. НБКМ-1040 – СП, апрель–9 августа, 1347–1356 гг., сербский, 189 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
8. А-13.7.13 – СП, 19 октября–март, XV в., сербский, 450 л., 1⁰: ОР БАН. 13.7.13. Сырку.
9. СКП-31 – СП, март–август, первая пол. XV в., сербский, 1⁰, 292 л., ОР РГБ. Ф.789. Оп. 2, 31 (микрофильм). Подлинник находится в собрании Скопльской митрополии в Македонии.
10. А-24.3.90 – СП, отрывки, май–август, сер. XV в., болгарский, 17 л., 1⁰: ОР БАН. 24.3.90. Срезн. 1.25.
11. А-34.7.7 – СП, март–май, 1607 г., сербский, 215 л., 1⁰: ОР БАН. 34.7.7.
12. Сырку-13.8.1 – СП, март–август, XV в., сербский, 1⁰, 295 л., ОР БАН, 13.8.1. Сырку.
13. Унд-82, Минея – СП на май, 1577 г., молдавский, 145 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Ундольского. Ф. 310, 82.
14. Фол-753 – СП, 21 марта–17 августа, XVI в., сербский, 150 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I.753.

Списки Троице-Сергиевской группы

15. С-704/812 – СП, март–август, 1631 г., русский, 714 л., 1⁰: ОР РНБ, Собрание Соловецкого монастыря. № 704/812.
16. Соф-1350 – СП, март–май, сер. XVI в., русский, 313 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1350.
17. Трц-715 – СП, март–май, 1429 г., русский, 366 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715.
18. Трц-716 – СП, март–май, XVI в., русский, 644 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 716.
19. Трц-717 – СП, июнь–октябрь, 1429 г., русский, 438 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 717.
20. Трц-718 – СП, июнь–октябрь, XVI в., русский, 675 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 718.

Списки Синодской группы

21. СА-60/1426 – СП, март–август, 1630 г., русский, 524 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря (Анзерский скит). № 60/1426.
22. СнА-1264 – СП, март–май, XV в., русский, 307 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1264.
23. СнА-1281 – СП, март–май, XVI в., русский, 278 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1281.
24. СнА-1297 – СП, май–август, нач. XVII в., русский, 360 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1297.

25. Соф-1349 – СП, март–май, 1 пол./сер. XVI в., русский, 370 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. 1349.
26. Фол-683 – СП, март–май, XV в., русский, 236 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I. 683.

Списки Хутынской группы

27. А-16.12.11 – СП, март–август, XVI в., русский, 555 л., 1⁰: ОР БАН. Собрание Основное.16.12.11.
28. F.VI.9 – СП, март–май, 2 пол. XVI в., русский, 729 л., 1⁰: ОР ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). Собрание Красноярское. F.6.9.
29. ОДПФ-212 – СП, март–май, XVI в., русский, 446 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Общества Любителей Древней Письменности (ОЛДП). Ф.536. F.212.
30. С-703/811 – СП, март–август, XVI в., русский, 489 л., 1⁰: Собрание Соловецкого монастыря. № 703/811.
31. СнА-1271 – СП, 6 марта–27 мая, XV–XVI вв., русский, 310 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1271.
32. СнА-1613 – СП, май–август, нач. XVI в., русский, 341 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 4, 1613.
33. СнА-3935 – СП, март–май, XV в., русский, 348 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 3, 3935.
34. Тит-239 – СП, март–май, XVI в., русский, 430 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 239.
35. Тит-1217 – СП, март–май, XVI в., русский, 394 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 1217.
36. УЦ-147 – СП, 12 марта–август, русский, кон. XVI в., 528 л., 1⁰: ИРЛИ. Собрание Усть-Цилемское. № 147.
37. Фол-374 – СП, март–май, XVI в., русский, 548 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I.374.

Списки Устюжской группы

38. СнА-1282 – СП, март–май, кон. XVI в., русский, 254 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1282.
39. СнА-1294 – СП, февраль–май, XVII в. (1669?), русский, 334 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1294.